

Дина Наильевна АхметзяноваНациональный исследовательский университет ИТМО, аспирант Института дизайна и урбанистики,
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: dn.akhmetzyanova@gmail.com

Проблема идентичности в традиционном обществе и обществе модерна

Аннотация. В статье рассматривается изменение взглядов на проблему идентичности. Обозначается и анализируется зависимость между технологическим, социальным, культурным развитием общества и спецификой идентичности человека. Идентичность — это механизм, помогающий приспособиться к той реальности, в которой живет человек в тот или иной момент времени. Технологический прогресс и городская жизнь способствуют формированию новых взглядов на идентичность личности. Современная идентичность характеризуется высокой степенью субъективности, множественностью, изменчивостью и адаптивностью, чем обеспечивает выживание индивида в условиях городского информационного общества.

Ключевые слова: идентичность, границы идентичности, трансформации идентичности.

Dina N. AkhmetzyanovaITMO National Research University, Postgraduate Student of Institute of Design and Urban Studies,
Saint Petersburg, Russia
e-mail: dn.akhmetzyanova@gmail.com

The Problem of Identity in Traditional and Modern Society

Abstract. The article discusses the change in views on the problem of identity. The relationship between the technological, social, cultural development of society and the specifics of human identity is indicated and analysed. Identity is a mechanism that helps to adapt to the reality in which a person lives at one time or another. Technological progress and urban life contribute to the formation of new views on the identity of the individual. Modern identity is characterized by a high degree of subjectivity, multiplicity, variability and adaptability, which ensures the survival of the individual in the conditions of the urban information society.

Keywords: identity, identity boundaries, identity transformations.

Введение (Introduction)

Проблема познания природы человека стала классической в философии. Как и в зависимости от чего в нас формируется ощущение себя как личности, индивида, части некой группы? Почему мы испытываем чувство причастности, близости, находим вовне то, что вызывает некий внутренний отклик, и, напротив, оказываемся не согласны с предложенными нам социальными ролями, ценностями, векторами развития? На данный момент спектр подобных вопросов входит в перечень исследования проблемы идентичности. Идентичность происходит из связи между индивидом и социумом, объединяет в себе оба начала. Само слово «идентичность» происходит от латинского *identicus*, что означает «тождественный» или «одинаковый». Во французском языке *identité* означает «тождество» или «совпадение», а *identique* — «идентичный», «тождественный» или «равнозначный» [1, с. 6]. Идентичность складывается из представлений о своей личности и роли в обществе, ценностей, отношений. По определению А. Турена, идентичность — это «...осознанное самоопределение социального субъекта» (цит. по: [2, с. 460]).

Однако термин «идентичность» не имел явного научного применения до середины XX в. [1, с. 6]. Необходимость обозначить границы идентичности существовала всегда, но представления о принципах ее формирования и степени свободы индивида в отношении выбора природы своей идентичности менялись с течением времени. Долгое время вопросы «идентичности» воспринимались весьма буквально и относились скорее к вопросу абсолютной тождественности одного предмета другому [3]. В свою очередь, многообразие в онтологическом плане рассматривалось как акциденция всеобщего и не имело собственного значения [4, с. 89–90].

Методы (Methods)

В работе применялся междисциплинарный подход, был использован метод комплексного сравнительного анализа. В качестве теоретико-методологических основ исследования выступают работы, посвященные проблеме идентичности человека в философии, психологии, аналитического подхода к процессам урбанизации таких авторов, как Дж. Р. Адамс, Ж. Делез и Ф. Гваттари, П. Бергер и Т. Лукман, Э. Соджа, М. Фуко, Э. Эрикссон.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Исторически идентичность индивида представляла собой в большей степени слепок с установленного социумом и социальными институтами «естественного», «априорного» порядка [5, с. 171], в отношении которого человек выступал как пассивный наблюдатель [6, с. 46]. На уровне быта идентичность человека регулировалась общинными порядками — обычаями, ритуалами, почитанием памяти предков, традиционными ценностями, «связью с корнями». Древние греки считали, что каждый человек имеет свой духовный дом, который определяется его родиной и национальностью, и посредством концепции припоминания объясняли процесс познания (следовательно, и познания себя тоже) как процесс воспоминаний о прежнем, истинном состоянии души. Многие религии в той или иной форме определяли характер идентичности и обуславливающий ее формирование контекст — от социального положения семьи до национальности — божественным замыслом, волей некоего высшего существа.

Опосредованная биологически потребность человека в поиске способов идентифицировать себя с некой общностью давала возможность фиксировать и контролировать однажды установившийся общественный порядок — порядок, антиподом которого было наступление хаоса в случае нарушения существующих границ. Гипотетические разрушительные последствия имели масштабируемый характер, начиная с микроуровня, где риском было не только наказание за преступление против истинного порядка в мире, но и вера в неизбежную кару в посмертии; до макроуровня, представленного в качестве верований апокалиптического характера: Кали-юга и полное разрушение погрязшего во зле мира, Атлантида и кара богов за нарушение данного свыше закона, христиане и Апокалипсис. В различных культурах на протяжении веков встречался строгий контроль базовых аспектов идентичности посредством использования иррационального страха перед непознанным и непознаваемым, что приводило как к территориальным ограничениям (возможность передвижения), так и к социальным (строго фиксированное положение в обществе, сложности перехода из одной страты в другую).

Поскольку идентичность отражала (и отражает) отношение индивида к ценностям и нормам, проецируемым на него обществом, несоответствие этим нормам или их явное неприятие означало исключение из социума. «Оборотничество» (принципиальная смена внешнего облика), неуважение традиций (оспаривание существующих социальных норм), скитальчество (смена места жительства, отсутствие конкретного места обитания) [7, с. 8] — это фиксация того, как поиск идентичности может перевести индивида в сферу «Другого» и нередко настораживает почти так же, как трансформации, обусловленные естественным страхом перед изменившимся поведением соплеменника, обладающего психическим расстройством. Радикальная точка зрения в данном вопросе такова: только нарушитель, предатель, грешник станет изменять природу своей идентичности и пойдет против воли творца, установившего естественный, истинный ход вещей.

Однако подобный статичный подход к идентичности был характерен для традиционного общества. Глобальные

перемены в образе жизни и общественном сознании, спровоцированные научно-техническим прогрессом, развитием техники, ускорением и увеличением передаваемых информационных потоков, поставили перед человечеством новые вызовы, породили новые страхи и новые вопросы. Эпоха модернизма характеризуется более внимательным отношением к проблеме определения себя. Социокультурные изменения и две мировые войны привели к переосмыслению модернистами прежних ценностных ориентиров, в результате чего произошло формирование гуманистической парадигмы в науке, были обозначены проблемы свободы и ответственности, осмысленности жизни, произошло усиление интереса к проблеме выбора, самовыражения, обретения «сущностного Я». Именно модернисты стали первыми, кто принял городской образ жизни как новую реальность, особую форму существования.

В условиях традиционной культуры для индивида было жизненно важным определение своей принадлежности к определенной социальной и культурной общности, осознание своего сходства с другими людьми. Модернизм изменил отношение к субъективному, индивидуальному, но также обострил проблему наличия идеала и ориентиров, их необходимости как таковой. Еще в период романтизма стало популярным переосмысление образа Дьявола-Люцифера, выступающего, подобно Прометею, против воли Творца, из чего уже в рамках модернистской философии сформировался образ ницшеанского сверхчеловека — идеализированной фигуры, представляющей ответ на кризис доминировавшей западной идентичности. Нащупывая точки слома культурной парадигмы, писатели-модернисты стали изображать героев, которые выражали свои мысли и чувства вне зависимости от общественного мнения. Они подчеркивали важность индивидуальности и уникальности каждого человека, а также необходимость освобождения от традиционных общественных и культурных норм и ограничений. Культура модерна поставила в центр внимания индивидуальность, уникальность и непохожесть, а также лишила человека чувства стабильности, показав, что базовые критерии идентичности начинают утрачивать свою значимость. Тем не менее в основе убеждений модернистов по-прежнему лежало привычное представление об идентичности как целостной и оригинально гармоничной структуре, что вступало в конфликт с вызовами времени.

Изменения во взгляде на субъективное в философии и научных исследованиях привели к появлению новых теорий в отношении идентичности, которые подчеркнули роль общества, языка и культуры в формировании наших представлений о реальности. Колоссальный вклад в развитие исследований идентичности внесла психология. В работах Э. Эриксона идентичность определена как внутренняя «непрерывность самопереживания индивида», «длящееся внутреннее равенство с собой», важнейшая характеристика целостности личности, интеграция переживаний человеком своей тождественности с самим собой и с социальными группами [1, с. 6]. Согласно Эриксону, идентичность есть усвоенный и личностно принимаемый образ себя, основанный на отношениях личности к окружающему миру и способности решать задачи на каждом этапе своего развития.

Он выделяет три основных аспекта идентичности: чувство идентичности, процесс формирования идентичности и идентичность как результат [1, с. 6].

В 1960-х гг. П. Бергером и Т. Лукманом была разработана теория социального конструкционизма, согласно которой знания и реальность формируются через социальные процессы. Они утверждают, что в качестве объективной реальности людьми воспринимаются социальные образования, искусственно созданные культурные артефакты и интерпретации, поэтому социум — ключ к пониманию природы идентичности [8, с. 9].

Экстенсивная урбанизация и становление информационного общества ускорили изменения социального, культурного строя, повседневного образа жизни. Изменение института семьи, исчезновение многовековых традиций — трансформации, происходящие в современном обществе, связанные с территориальной и социальной экспансией городского пространства, распространением городского образа жизни, привели к формированию доминанты новой ментальности, расщепленной, индивидуализированной, нестабильной и утратившей четкие границы.

Постмодернизмом идентичность воспринимается как результат социальных процессов и дискурсов, которые формируются в обществе, однако такая идентичность не идентификационна. В постмодернизме идентичность начинает рассматриваться как нечто изменчивое, создаваемое в процессе переговоров и борьбы за власть в обществе. «Постмодернизм известен прямо противоположной направленностью — радикальным разотождествлением и разуподоблением всего и вся, “плавлением твердых”, ...недоверием к Целому, отрицанием всякой привилегированности, загадочного высшего авторитета, вертикальной власти...» [5, с. 172] «У меня нет настоящей идентичности», — игриво подмигивает скрывшаяся с места преступления преступница и воровка — героиня экранизации «Черной ящерицы» (1968), сменив торжественное платье на мужской костюм.

В постструктурализме рассматривается идея о том, что идентичность может быть использована для установления власти и контроля над людьми, этим подчеркивается необходимость осознания своей уникальности и изменчивости. М. Фуко утверждает, что идентичность — это нечто, что создается в процессе властных отношений и социальных дискурсов; это результат процесса непрерывных переговоров и борьбы за власть в обществе. Фуко отмечает, что идентичность может быть использована для установления контроля над людьми; это нечто, что представляет собой результат социальных процессов и властных отношений [9, с. 500].

Постоянно трансформирующаяся, перепроизводящаяся идентичность, отсутствие простых ответов на необходимость определить ее, назвать, измерить — в таком виде есть продукт современной информационной и городской цивилизации. Город как одно из величайших творений человеческой культуры есть контекст, задающий формообразующую канву объективной реальности и идентичности современного человека, поэтому, чтобы понять специфику формирования идентичности человека, живущего в новых условиях, необходимо описать процессы функционирования

нового пост-города как основной среды его обитания. Для описания феномена современного города Э. Соджа предлагает концепцию третьего пространства, в которое входит и физическое, и ментальное — их соединение осуществляется в повседневной жизни людей, где отсутствует явная граница между иллюзорным и действительным, объективным и субъективным [10, с. 201].

Согласно философии постмодернизма, люди должны освободиться от ограничений, связанных с концепцией идентичности, принять свою уникальность и изменчивость как часть жизни. Не неврастеник, но шизоид, множественность, постоянная изменчивость — вот предложенный постмодернизмом ответ на постоянно прибывающий поток информации. В рамках данной философии происходит нормализация множественности субъекта, расщепления идентичности человека. Ф. Гваттари считает, что идентичность не является статичной и постоянной, а преходящей и изменчивой. Он утверждает, что идентичность — это результат социальных и культурных процессов, которые формируются в результате взаимодействия между индивидом и окружающей средой. Он также отмечает, что идентичность может быть противоречивой и неоднозначной, как положительной, так и отрицательной одновременно [11]. Прибегая к метафорам «желающих машин» и переосмысляя принцип аутопозиса, Гваттари утверждает, что на первый план выходит процесс, а не объект. При исследовании идентичности фокус должен быть на индивидуальном опыте и эксперименте, а не на фиксированных идентичностях и категориях [12].

Виртуальная реальность, цифровизация, возможность быть в нескольких городах одновременно, то, что происходит в эпоху Антропоцена, когда можно наблюдать быстрые изменения в природной среде и социальных структурах, приводят к тому, что идентичность становится зыбкой и теряет четкие очертания, заставляя вновь задаваться вопросами классической философии о тождественности и идентификации сущностей [13, р. 19]. Критическое осмысление вопросов трансгуманизма и разработок в сфере развития искусственного интеллекта — это во многом саморефлексия на тему человеческой телесной и духовной автономии, самосознания, самоидентификация себя как мыслящего существа. Подобен ли человек кораблю Тесея — если заменить все детали человеческого тела, останется ли он собой? Что первостепеннее детали человеческой «машины желаний», или функция, которую они призваны выполнять? Поиск нового определения идентичности становится частью эволюционного процесса человека как вида, когда выходом становится преодоление строгих границ «себя».

Заключение (Conclusion)

Идентичность и представления о ней трансформируются по мере развития социума, изменений в образе жизни, культурном пространстве. Научно-технический прогресс, распространение городского образа жизни и городской ментальности способствовали трансформации взглядов на идентичность, обозначили проблемное поле идентичности, повысили степень свободы индивида в принятии решений относительно специфики его идентичности, а также привели к росту значимости городского типа

идентичности. В результате возникла потребность введения самого термина «идентичность» в научный обиход, его определения, осмысления природы идентичности и поиска методов ее изучения.

В общем смысле идентичность — это «выявление и сохранение своей самости в рамках (на основе рамочной детерминации) более широкого целого: субкультурного сообщества, социальной группы, региональной или страновой общности» [14, с. 37]. Однако идентичность, несмотря на ее значимость для жизни человека, также стала инструментом контроля и предметом спекуляций: «Формирование идентичности связывается с воздействием власти» [15, с. 79]. Специфика современной персональной идентич-

ности — множественной, изменчивой, лишенной стабильности, отражает значимость идентичности как адаптационного механизма в новых условиях урбанизированного информационного общества [16, с. 4].

Человек должен обладать правом выбирать аспекты, с которыми он будет соотносить свою самость; определять, насколько транслируемая им личность является частью его идентичности, каким количеством различных типов «я» он располагает, а также свое отношение к пространству и времени. Жизнь есть поиск и течение, где основными ценностями ориентирами в формировании идентичности человека становятся базовые принципы уважения личностных границ и ненанесения вреда.

Библиографический список

1. Соловьева С. Л. Идентичность как ресурс выживания // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 1 (48). С. 5. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-11050
2. Пименова О. И. Понятие социальной идентичности в системе социологических категорий // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : XVIII Междунар. конф. памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург : [Урал. федер. ун-т], 2015. С. 457–466.
3. Gallois A. Identity Over Time // Stanford Encyclopedia of Philosophy : [сайт]. 2016. October 6. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-time/> (дата обращения: 15.05.2023).
4. Орлова Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории : науч. альм. Т. IV : Человек в поисках идентичности / под ред. Ю. М. Резника и В. В. Глостановой. М. : Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 87–111.
5. Гречко П. К. Идентичность — постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 171–190.
6. Сапунова А. А. На пути к наблюдателю технической реальности // Идеи и идеалы. 2016. Т. 2, № 3 (29). С. 45–54. DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3-2-45-54
7. Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации : материалы Междунар. конф. / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М. : Дело, 2015. 156 с.
8. Алексеева Т. А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 4–21.
9. Тагиров Ф. В. Эрос в экономике власти: теории дискурсивно-дисциплинарного контроля (М. Фуко и Дж. Батлер) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Философия. 2017. Т. 21, № 4. С. 495–504. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504
10. Лебедева Н. А., Митин И. И. От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 197–220.
11. Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности. Курск : Изд-во Кур. гос. ун-та, 2006. 246 с.
12. Рыскина В. Шизоанализ Делеза и Гваттари: проблема желания и отказ от выбора // HSE Art and Design School : [сайт]. URL: <https://hse.design.ru/project/cd069502526e404897faf59e2f67250f> (дата обращения: 15.05.2023).
13. Brian H. Driving the Golden Spike. The Aesthetics of Anthropocene Public Space : pamphlet. Chicago : [s. n.], 2016. 24 p.
14. Гречко П. К. К вопросу о национально-государственной идентичности // Ценности и смыслы. 2015. № 5 (39). С. 36–46.
15. Ишменев Е. Соотношение индивидуального и предельного в концепции идентичности М. Фуко // Дискурс-Пи. 2005. Вып. 5. С. 79–80.
16. Лысак И. В., Косенчук Л. Ф. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры. М. : Спутник+, 2016. 147 с.

References

- Alekseeva T. A. (2014) *Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosi mir* [Think Like Constructivist: Discovering a Polyphonic World], *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], no. 1 (14), pp. 4–21. (in Russian)
- Antonov D. I. (ed.) (2015) *Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretatsii* [Werewolves: Strategies for Description and Interpretation]*. Moscow, Delo Publ., 156 p. (in Russian)
- Brian H. (2016) *Driving the Golden Spike. The Aesthetics of Anthropocene Public Space*. Chicago, 24 p. (in English)
- D'yakov A. V. (2006) *Feliks Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub'ektivnosti* [Felix Guattari: Schizoanalysis and the Production of Subjectivity]*. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet Publ., 246 p. (in Russian)
- Gallois A. (2016) Identity Over Time, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, October 6. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/identity-time/> (accessed: 15.05.2023). (in English)

Grechko P. K. (2010) Identichnost' — postmodernistskaya perspektiva [Identity — Postmodern Perspective]*, *Voprosy sotsial'noi teorii [Issues of Social Theory]**, vol. 4, pp. 171–190. (in Russian)

Grechko P. K. (2015) K voprosu o natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti [Towards the Question of the Nation State Identity], *Tsenosti i smysly [Values and Meanings]*, no. 5 (39), pp. 36–46. (in Russian)

Ishmenev E. (2005) Sootnoshenie individual'nogo i predel'nogo v kontseptsii identichnosti M. Fuko [Correlation Between the Individual and the Limit in M. Foucault's Concept of Identity]*, *Diskurs-Pi [Discourse-Pi]**, issue 5, pp. 79–80. (in Russian)

Lebedeva N. A., Mitin I. I. (2019) Ot goroda k ehkzopolisu? Gorodskoi kul'turnyi landshaft v gumanitarnoi i kriticheskoi geografii [From City to Ecopolis? Urban Cultural Landscape in Critical Geography & Geohumanities], *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects]*, no. 1 (36), pp. 197–220. (in Russian)

Lysak I. V., Kosenchuk L. F. (2016) *Formirovanie personal'noi identichnosti v usloviyakh setevoi kul'tury [Formation of Personal Identity in a Network Culture]**. Moscow, Sputnik+ Publ., 147 p. (in Russian)

Orlova Eh. A. (2010) Kontseptsii identichnosti/identifikatsii v sotsial'no-nauchnom znanii [Concepts of Identity/Identification in Social and Scientific Knowledge]*, *Reznik Yu. M., Tlostanova V. V. (eds.) Voprosy sotsial'noi teorii. Vol. 4. Chelovek v poiskakh identichnosti [Questions of Social Theory. Vol. 4. Man in Search of Identity]**. Moscow, Assotsiatsiya "Mezhdistsiplinarnoe obshchestvo sotsial'noi teorii" Publ., pp. 87–111. (in Russian)

Pimenova O. I. (2015) Ponyatie sotsial'noi identichnosti v sisteme sotsiologicheskikh kategorii [The Notion of the Social Identity in the System of Sociological Categories], *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt ehmpiricheskogo issledovaniya [Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research]**. Ekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet Publ., pp. 457–466. (in Russian)

Ryskina V. Shizoanaliz Deleza i Gvattari: problema zhelaniya i otkaz ot vybora [Schizoanalysis of Deleuze and Guattari: The Problem of Desire and Refusal to Choose]*, *HSE Art and Design School*. Available at: <https://hsedesign.ru/project/cd069502526e404897faf59e2f67250f> (accessed: 15.05.2023). (in Russian)

Sapunova A. A. (2016) Na puti k nablyudatelyu tekhnicheskoi real'nosti [On the Way to the Observer of Technical Reality], *Idey i idealy [Ideas and Ideals]*, vol. 2, no. 3 (29), pp. 45–54, doi: 10.17212/2075-0862-2016-3.2-45-54 (in Russian)

Solovieva S. L. (2018) Identichnost' kak resurs vyzhivaniya [Identity as a Resource of Survival], *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii [Medical Psychology in Russia]**, vol. 10, no. 1 (48), p. 5, doi: 10.24411/2219-8245-2018-11050 (in Russian)

Tagirov F. V. (2017) Ehros v ehkonomike vlasti: teorii diskursivno-distsiplinarnogo kontrolya (M. Fuko i Dzh. Batler) [Eros in the Economy of Power: The Theory of Discursive-Disciplinary Control (M. Foucault and J. Butler)], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ceriya: Filosofiya [RUDN Journal of Philosophy]*, vol. 21, no. 4, pp. 495–504, doi: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-495-504 (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.